

*А. Г. Курбатов**

**«БОЛЬШАЯ НЮРНБЕРГСКАЯ ЗАПИСКА» —
НАЧАЛО ТЕОЛОГИИ АНДРЕАСА ОЗИАНДЕРА**

В статье рассматривается вероучительный документ — «Большая Нюрнбергская записка» (1524), важный памятник эпохи ранней Реформации. Один из авторов «записки» — Андреас Озиандер, оригинальный протестантский теолог из первого поколения реформаторов. Документ состоит из трех частей. В первой и второй частях рассматриваются доктринальные вопросы, третья посвящена церковной практике и дисциплине. В «Большой Нюрнбергской записке» Озиандер впервые высказал ряд положений, которые стали предметом внутренних протестантских споров и привлекли внимание к личности автора таких крупных церковных мыслителей, как Филипп Меланхтон и Жан Кальвин. «Озиандеровский спор» является реперной точкой для понимания генезиса протестантской теологии середины XVI столетия, однако в русскоязычной церковно-исторической и богословской науке судьба и литературное наследие Андреаса Озиандера остаются практически неизученными.

Ключевые слова: Андреас Озиандер, «Большая Нюрнбергская записка», теология, Реформация, озиандеровский спор.

A. G. Kurbatov

**«THE GREAT NUREMBERG NOTE» —
THE ORIGIN OF ANDREAS OSIANDER'S THEOLOGY**

The article deals with the doctrinal document — «The Great Nuremberg Note» (1524) — an important monument of the early Reformation period. One of the authors of the note is Andreas Osiander, an original Protestant theologian who belongs to the first generation of reformers. The document consists of three parts. The first and second parts deal with doctrinal issues, the third is devoted to church practice and discipline. In the «Great Nuremberg Note» Osiander for the first time expressed a number of provisions that became the subject of internal Protestant disputes, and drew attention to the personality of the author of such major church thinkers as Philip Melancthon and John Calvin. The so called «Osiandrian Controversy» is

* Курбатов Анатолий Григорьевич, аспирант, Санкт-Петербургская духовная академия; anatolij.kurbatov.95@mail.ru

a reference point for understanding the genesis of Protestant theology in the middle of the 16th century, however, in the Russian-speaking church-historical and theological science, the fate and literary heritage of Andreas Osiander remain practically unexplored.

Keywords: Andreas Osiander, «The Great Nuremberg Note», theology, Reformation, «Osiandrian Controversy».

28 января 1521 года Карл V открыл Вормсский рейхстаг. Римский папа Лев X обратился к императору с призывом утвердить указом буллу от 3 января, согласно которой Мартин Лютер отлучался от церкви, а его сочинения осуждались на сожжение. 28 марта римский епископ выпустил буллу «In Coena Domini», в которой саксонский реформатор и все его сторонники объявлялись еретиками [5, с. 182]. Имперский указ был составлен 8 мая, а 26 мая Карл V собственноручно подписал его. Мартин Лютер был осужден, однако сочинения реформатора продолжали распространяться. Во многих городах Империи зазвучал призыв к реформированию Церкви. Одним из таких городов стал Нюрнберг.

Нюрнберг, самый живописный из средневековых городов Германии, был в то время столицей немецкой торговли, политики, литературы и искусства. Там жило целое созвездие выдающихся людей, большинство которых симпатизировало Эразму и Лютеру [5, с. 344].

В начале XVI столетия Нюрнберг был свободным имперским городом, подчинялся непосредственно императору и обладал практически полной политической самостоятельностью в рамках империи. Граждане города платили налоги с доходов не в казну местных земельных феодалов — князей, герцогов и епископов, а исключительно императору. Внутренними делами города руководил городской совет. Статус свободного города упрощал процедуру проведения преобразований. Городской совет Нюрнберга имел свои места и право голосования в рейхстаге. Таким образом, судьба Реформации была не связана с интересами феодальной знати. С 1524 года начинаются реформы, которые затрагивают сферу церковной практики [6, с. 143]. В том же году состоялся третий Нюрнбергский рейхстаг, подтвердивший постановления Вормсского эдикта и призвавший к воздержанию от каких-либо решительных действий до созыва общенационального собора, запланированного на следующий год [6, с. 299]. Городской совет ответил письмом протеста и отправил посольство к эрцгерцогу Фердинанду I. Прямое следование Вормсскому эдикту могло подорвать общественный порядок в городе. 4 августа городской совет изложил основные принципы своей позиции. Во-первых, необходимо сосредоточиться на единодушной проповеди Евангелия. Во-вторых, следует прекратить печать и продажу памфлетов и «постыдных картин». И, наконец, в-третьих, решить, как относиться к «делу Лютера», в какой мере следовать эдикту, чтобы не провоцировать беспорядков [6, с. 300].

Для решения этих вопросов требовались качественные эксперты: университетские теологи и проповедники. Очевидно, что формирование группы экспертов из одной «партии» было чревато новыми волнениями. Городской совет принял решение не действовать в одностороннем порядке и предложил

высказаться трем разным сторонам. Первая группа состояла из евангелических проповедников. Ко второй группе принадлежали бенедиктинцы из монастыря святого Эгидия, августинцы и картузианцы, которые сочувствовали взглядам реформаторов и примыкали к евангелической партии. Третья группа была представлена сторонниками «старой веры», нищенствующими орденами доминиканцев, францисканцев и кармелитов [6, с. 301].

Решение о разделении Нюрнбергского духовенства на три части было продиктовано осторожностью, так как город вступил в конфликт с епископом Бамберга из-за внесенных поправок в богослужение, а также с императорским полком при дворе имперского наместника Фердинанда I [6, с. 301]. Назначение трех различных «партий» сохраняло видимость нейтралитета городского совета, в тоже время разделение монастырей на две группы с самого начала гарантировало преобладание евангелической партии. Тройное деление нюрнбергского духовенства не было традиционным, эта практика впервые была применена в данном конкретном случае.

Не подлежит сомнению тот факт, что в ключевых и спорных вопросах партии имели различные позиции, которые не могли быть сведены к компромиссному решению. Однако можно предположить, что городской совет хотел заручиться поддержкой всех трех сторон и принять дальнейшее решение в зависимости от хода событий в городе и империи. 10 декабря городской совет подтвердил получение документов от трех «партий», работа над которыми велась около четырех месяцев. Отношение к трем «партиям» было различным, совет не скрывал своей симпатии к группе евангелических теологов. Союз католических монастырей был встречен без энтузиазма. Вероятно, это обстоятельство объясняется тем фактом, что монахи нищенствующих орденов отказались вступать в дискуссию по поводу так называемых «23 статей». Речь идет о документе маркграфа Казимира Бранденбургского (1481–1527 гг.), который преследовал цель уладить церковные волнения в своем княжестве. Для этого было необходимо прийти к согласию графам, лордам и имперским городам и выступить единым фронтом против трех территориальных епископов. Казимир Бранденбургский вступает в переговоры по доктринальным вопросам с духовенством маркграфства и другими сословиями. Он представляет 23 статьи, в которых сформулированы спорные доктринальные вопросы, решение которых возлагалось на предполагаемый национальный собор.

«Партия» евангелических проповедников предоставила самый объемный текст, содержащий основные положения протестантской теологии и план церковной реформы. Основная часть документа — изложение доктрины Озиандера. Городской совет неодобрительно отнесся к тексту и предложил устранить из документа фрагмент об антихристе, с которым отождествлялся римский папа. Отметим, что подобное сравнение широко использовалось в протестантской полемической литературе [5, с. 185]. Группа евангелических проповедников не согласилась устранить из текста фрагмент об антихристе, но предложила компромисс по менее конфликтным вопросам.

Имперский указ наложил запрет на дальнейшее обсуждение реформ. Подготовительная теологическая работа была прервана, дискуссии прекращены, а запланированный собор так и не состоялся. Начавшаяся крестьянская война

выдвинула на первый план иные проблемы, которые требовали решительных мер.

«Большая Нюрнбергская записка» — документ, составленный для запланированного собора в Шпейере. В работе над текстом принимали участие трое проповедников: Андреас Озиандер, Доминик Шлейпнер и Томас Вена-ториус. Есть основания полагать, что ответственным автором документа был Озиандер. В пользу этого мнения свидетельствует ряд факторов. Во-первых, имя Андреаса Озиандера стоит в гравюрах сразу после титульного листа. Во-вторых, Озиандер в более поздних сочинениях ссылался на «Нюрнбергскую записку» утверждая, что всегда в своем учении был тождественен. В-третьих, общий ход рассуждений и литературный стиль свидетельствуют о том, что текст обязан своим происхождением Озиандеру [6, с. 314].

После завершения работы текст был напечатан, вероятно, без разрешения городского совета, который дистанцировался от полемики против императора и римского папы. В предисловии Озиандер объясняет это решение следующей причиной: текст документа оказался в руках некоей группы людей, которые планировали его публикацию без разрешения авторов. Об этом стало известно, и трое евангелических проповедников решили действовать на опережение. Можно предположить, что сообщение о «недоброжелателях» есть не что иное, как попытка защититься от обвинений городского совета, так как несанкционированная публикация была явным пренебрежением по отношению к нему.

Документ был напечатан не в Нюрнберге, а в Вертхайме, где останавливался типограф из Бамберга — Георг Эрлингер, который интересовался теологической проблематикой и писал сочинения в этой области. На титульном листе указан 1524 год. В том же году на юге Германии появились еще две публикации этого документа. В новых изданиях отсутствовала третья часть. Вероятно, она была изъята из текста по причине краткости и неоригинальности. В ней не содержалось ничего принципиально нового по отношению к ежедневным проповедям евангелических пасторов [6, с. 308].

Публикация вызвала интерес [6, с. 309]. Влияние «Нюрнбергской записки» просматривается у Олауса Петри в его сочинении «О Слове Божиим и человеческих заповедях», опубликованном в 1528 году, и у Каспара Швенкфельда, который цитирует длинные фрагменты из первой части работы Озиандера в своих брошюрах против Маттиаса Флациуса [6, с. 309].

Первая часть «Большой Нюрнбергской записки» — «Что есть истинное христианское учение» — является изложением вероучения. Андреас Озиандер пишет о двух царствах: царстве Божиим и царстве земном, которым соответствуют Слово Божие и слово человеческое [6, с. 322]. В западнохристианской мысли учение о двух царствах разработал Аврелий Августин в сочинении «О граде Божьем». Андреас Озиандер следует этой традиции. Царство Божие через Слово соединяет человека с Богом, вселяет в него веру. Царство земное обеспечивает порядок и защиту. Слово Божие для человека есть жизнь и блаженство. Человеческое слово, если оно вмешивается в область Царства Божьего, является пагубным и ложным. Бог, Творец и Господь всего Сущего, непостижим, и только Он сам может постичь и познать Себя. Божественное самопознание в Священном Писании названо Словом Божиим, Сыном или

Логосом. Бог являет себя в Своем Слове, рождает Сына от вечности. Словом Божиим в Священном Писании называется Сын, второе лицо Святой Троицы. По мысли Озиандера, внутреннее Слово Божие тождественно божественной природе Иисуса Христа, с которой человек соединяется в акте веры. Бог являет себя в Своем Слове, творит мир и действует в нем [6, с. 310].

Слово Божие — внутреннее, духовное слово. Оно произносится посредством внешнего слова, но остается при этом внутренним. Возникает проблема отношения внешнего и внутреннего слова: если Слово Божие у Бога и само есть Бог, то, как человек может приобщиться к Нему?

Андреас Озиандер рассуждает следующим образом: внешнее слово не тождественно внутреннему, но указывает на него, является его проводником. Под внешним словом преподается слово внутреннее. Озиандер приводит аналогию: человек выражает мысль через внешнее слово, которое исчезает, в то время как внутренний смысл остается. Озиандер использует этот пример для иллюстрации. Бог изображает Себя в Слове. Этот образ идентичен Богу [6, с. 310]. Бог знает Себя от вечности, знание Бога есть Его внутреннее Слово, которое есть Бог. Когда человек приобщается к внутреннему слову через внешнее, то получает истинное Слово Божие [6, с. 332].

Внешнее слово — Священное Писание — есть знак, указывающий на вечное Слово. Через внешнее слово человек получает истинное слово Божие, Самого Бога, имеет в себе Иисуса Христа и Святого Духа [6, с. 333]. Священное Писание предостерегает человека от идолопоклонства. Андреас Озиандер объясняет взаимосвязь между Святым Духом, Священным Писанием и проповедником. Дух Божий приходит к людям через верное слушание проповеди. Излияние Святого Духа — это полностью воля Бога, и оно не зависит от личных качеств проповедника. Носителем Духа является внешний глагол, Священное Писание, которое, следовательно, ни в коем случае не является «простым свидетельством». Перед проповедником стоит трехчастная задача: во-первых, он обязан непрестанно свидетельствовать о Слове Божиим; во-вторых, свои надежды и упования он должен возложить исключительно на Бога; и, наконец, в-третьих, его проповедь не должна быть подстрекательством к насильственному устранению из церковной жизни всего того, что прямо не следует из Священного Писания.

Священное Писание сообщает о двух доктринах: о Законе и Евангелии. [6, с. 311]. В этом вопросе Андреас Озиандер следует традиционному для Реформации делению Священного Писания на «Закон» и «Благодать». Евангелие — это все, что в Писании указывает на Божью благодать и милость. Закон — совокупность запретов и предписаний, необходимых для достижения праведной жизни. Человеческая природа в своем основании поражена первородным грехом, следовательно выполнение Закона оказывается невозможным [6, с. 337]. Изначальное доверие к Богу уступило в человеке место разуму и самолюбию, которые были посеяны среди людей дьяволом. Любовь к себе вытеснила любовь к Богу, и если Бог хочет вселить в нас веру и любовь, то Он должен сначала искоренить эгоистическую обращенность человека на самого себя.

Андреас Озиандер ссылается на Послание к Римлянам апостола Павла. Если человек, который не может исполнить предписанное Законом, признает

неотвратимость проклятия, то слово апостола Павла, что закон производит гнев [Рим 4:15], подтверждается. Закон обличает в человеке грех, он фиксирует невозможность человека самостоятельно, из самого себя, выполнить предписанное в нем. Это, в свою очередь, подводит человека к осознанию конечности собственных сил, к отчаянию и разочарованию в самом себе [6, с. 339].

Через Слово Божие в человеке восстанавливаются вера и любовь. В Евангелии мы обнаруживаем, что благодать и милость Божия — единственный выход из подзаконного состояния. Бог, чтобы засвидетельствовать истинность Своих обещаний, во второй ипостаси Святой Троицы становится человеком. Христос принял на себя наказание за наши грехи и оправдал нас перед Богом Своей праведностью. Страдания Иисуса Христа — наше примирение с Богом. В то же время после искупления грех и смерть остаются данностью человеческого существования. Поэтому недостатком того, что Бог совершил в прошлом, что оправдание человеческой природы состоялось в определенный, конкретный исторический момент. Бог должен действовать в нас всегда, в настоящем времени и в будущем. Он дает познать Себя через Евангелие. Когда мы принимаем его в вере, мы получаем самого Бога и становимся едиными с Иисусом Христом: Христос теперь наша праведность.

Озиандер считает, что наша праведность не может заключаться в совершенном 1500 лет назад Христовом деянии искупления, но должна относиться к обитающему в нас Христу, то есть к божественной природе, передаваемой нам через усвоение Евангелия [4, с. 231].

И это не отвлеченная праведность, которую Христос имеет на небесах перед Богом Отцом. Человек, ведущий греховную жизнь, не может сказать, что Христос есть его праведность [6, с. 311].

В приведенном рассуждении впервые выступает оригинальность мысли Андреаса Озиандера. Если божественная природа Иисуса Христа и божественное Слово отождествляются, то, следовательно, верой мы принимаем в Слово самого Бога и становимся едиными с Иисусом Христом. Соединяясь с Богом, человек соединяется с божественной праведностью. Если в человеке поселяется Иисус Христос, тогда в нем пребывает и Святой Дух. Человек оказывается в состоянии «Нового завета» [Иер. 31:33]. Озиандер говорит о процессуальном становлении «нового человека», который в настоящей жизни сосуществует с ветхим Адамом.

Учение Озиандера о божественной праведности генетически связано с доктриной об оправдании. Занятая Озиандером позиция, согласно которой божественная природа Иисуса Христа, как праведность Бога, пребывает в человеке, актуализирует вопросы христологии, которые исконно дебатировались в теологическом дискурсе. При обосновании доктрины оправдания затрагивается догмат о фундаментальной неделимости Троиединого Божества.

Высказанные в «Большой Нюрнбергской записке» идеи содержат в себе принципиально иную антропологию, нежели в классическом лютеранстве, то есть в «Аугсбургском исповедании» 1530 г. и в «Формуле Согласия» 1577 г. Андреас Озиандер придерживался традиционного лютеранского учения об оправдании человека благодатью через веру. Однако процесс

оправдания он понимал не как виттенбергские теологи: вера объединяет нас с божественной природой Христа, с праведностью Бога, по существу дела личность человека тождественной личности Христа [6, с. 341]. Необходимо отметить, что «Нюрнбергская записка» написана до появления первого нормативного вероучительного текста лютеранской церкви. Это обстоятельство позволяет рассматривать позицию Озиандера как одно из возможных альтернативных мнений без привязки к противоположению «ортодоксия–гетеродоксия». В то же время положения «Нюрнбергской записки» автор отстаивал до конца своей жизни. В споре 1549–1552 гг. вокруг озиандрийских идей, прежде всего о прогрессивном характере оправдания христианина посредством пребывания Христа в верующем, Озиандер ссылался на «записку» [6, с. 314].

Конфликт между Андреасом Озиандером и школой Виттенберга заключался в понимании центрального для протестантской теологии артикула — учения об оправдании. Poleмическая заостренность двух сторон по вопросу о доктрине об оправдании артикулировалась вокруг таких понятий, как *justificatio* (оправдание), *sanctificatio* (освящение), *redemptio* (искупление) и *renewatio*, или *vivificatio* (возрождение). Если в классическом протестантизме оправдание воспринимается как декларативный и судебный акт Бога, то в учении Озиандера сделан другой акцент: оправдание предполагает реальное вселение Иисуса Христа в верующего.

Пока Христос не воплотился, в конечном смертном человеке, не было абсолютно никакого сущностного сходства с бесконечным Логосом. Но после того, как божественная сущность Христа была воипостасена в человеческую и Христос родился, стало возможно подобное же «инъецирование» божественной природы Христа в человеческую сущность каждого верующего [3, с. 18].

Если для виттенбергских теологов, Мартина Лютера и Маттиаса Флация, характерна позиция, что грех есть самая сущность человеческой природы, то в высказываниях Озиандера заключается другой подход. Так, в «Нюрнбергской записке» Озиандер пишет, что в человеке создается новый дух при соединении с Богом через веру, и что Бог усыновляет человека через пребывание в нем [6, с. 344]. Озиандер учит об оправдании следующим образом: оправдание основано на праведности Иисуса Христа, которая пребывает в верующем, а не на праведности, которая вменяется верующему, оставаясь внешней по отношению к нему. Согласно логике Озиандера, качества Иисуса Христа должны стать качествами человека, автор говорит о процессе дивинизации, то есть о возвышении человеческой природы до божественного величия. Высказанное Озиандером положение позволяет рассматривать его доктрину не только в контексте протестантской догматики, но и в контексте церковных учений иных христианских конфессий и философских концепций более позднего периода.

Несовершенство человеческой природы препятствует постижению данных в Священном Писании божественных обещаний. По мысли Озиандера, Иисус Христос принимается в душу только через веру в Его слово. Однако внешний знак необходим для удостоверения.

Двум делам Божиим, закону и Евангелию, соответствуют два таинства: крещение и Вечера Господня [6, с. 341]. Редукция семи таинств католической церкви к двум — характерная черта магистральной Реформации. Сочинение Мартина Лютера «Вавилонское пленение церкви» положило начало традиции полемических трудов по вопросам сакраментологии. Андреас Озиандер находится в общем русле лютеранской практики. Крещение есть символ умирания, Бог умерщвляет человека по закону, но воскрешает его и дарует ему вечную жизнь через Христа [6, с. 341]. Союз человеческой души с Богом представлен в Вечере Господней, на которой Христос сообщает человеку, что верующий в Него духовно становится единым с Ним. На Вечере Господней человек вкушает не пищу, а Тело и Кровь Христову. Знак изображает то, что человек приобрел в Слове. Закон и вода умерщвляют, Евангелие и таинство Алтаря вселяют в нас Христа.

Однако внешние знаки, знамения могут быть полезными для верующего только при наличии веры в Слово Божие. Христианская вера — это не вера в историю, которую могут иметь и нечестивые люди. Суть христианской веры заключается в том, что человек имеет твердую веру в благодатного и милосердного Бога, от которого он получит жизнь вечную, и что вера эта есть убежденность в непреложности божественных обещаний.

Таковую веру творит в человеке сам Бог. Апостол Павел называет ее праведностью самого Бога, так как нет никакой праведности, которая была бы истинной по отношению к праведности Бога. Через веру мы объединяемся с Богом, и тогда сам Бог действует в нас собственной праведностью. Озиандер пишет, что наши дела обязательно будут дурными или, если они истинно добрые, они должны быть не нашими [6, с. 46].

Вера — это определенная уверенность в исполнении того, на что надеется человек [Евр. 11: 1]. Но если это так, то возникает вопрос: в чем разница между верой и надеждой? Андреас Озиандер дает ответ: вера как определенная уверенность покоится в себе; Надежда — постоянное стремление к тому, в чем человек утвердился через веру. Эти два понятия связаны друг с другом как уверенность и стремление.

Во второй части «Нюрнбергской записки» Озиандер пишет о том, «что есть человеческое слово и учение». К человеческим учениям, согласно Озиандеру, относится все, что представляется человеку необходимым для спасения, но в то же время не явлено в Слове Божиим. К таковым Озиандер относит попытку служить Богу, соблюдая человеческие заповеди. Андреас Озиандер называет такую попытку тщетной и даже опасной. Стремящийся к исполнению человеческих заповедей и предписаний будет лишен Слова Божьего, то есть единственного источника веры и религиозной истины, следовательно, вечной жизни. Одним из «плодов» человеческих учений Озиандер называет возникновение большого количества пагубных сект, подрывающих христианскую любовь и принцип единства. Лжеучителя, которые своими измышлениями отводят человека от Бога, являются слугами антихриста.

Иисус Христос, пророки и апостолы предупреждали об антихристе и указывали на его лукавство. Главная опасность заключается в том, что антихрист искусно скрывает свое нечестие под подобием истины. Озиандер ссылается

на тексты Священного Писания, в частности на пророка Даниила, и интерпретирует папство как олицетворение антихриста.

Андреас Озиандер критикует римское папство в характерной для эпохи Реформации форме. Стремление римского папы к господству не только в церковной, но и в светской сфере является убедительным доказательством ложности папства [6, с. 361]. Далее Озиандер пересказывает легендарную историю о документе, который предоставил император Константин папе Сильвестру I. «Константинов дар» — подложный текст, который закреплял за римским понтификом достоинство императорского величия, после того как Константин перенес столицу из Рима в Константинополь. Озиандер рассматривает «число зверя» как зашифрованное имя папы Сильвестра I.

Претензии римских пап на господство привели к отпадению от истины. Окруженный помощниками — монахами, вооруженными подобием христианской доктрины и языческой мудростью, — римский первосвященник покровительствовал созданию культа поклонения папе. Однако теперь, пишет Озиандер, время страха перед антихристом в Церкви заканчивается. Иисус Христос исполнит обещание и низвергнет антихриста Своим Словом, разоблачит обман и вернет людей к истинной вере. Это время настало. Слово Божье стало слишком сильным для антихриста.

В третьей части, которая представляет собой приложение к основному тексту, рассматриваются некоторые вопросы, затронутые в «23 статьях» [6, с. 372]. Эта часть «записки» соответствует общему руслу протестантской мысли. Раскроем содержание в виде тезисов.

Вера делает блаженным, а дела свидетельствуют о наличии истинной веры. Добрыми делами, по мысли Озиандера, можно считать только те, которые Бог заповедал совершать из любви. В «Нюрнбергской записке» таинствами, видимыми знаками невидимой благодати Божией, названы только крещение и евхаристия [6, с. 373]. Крещение детей допускается, Озиандер защищает эту точку зрения [6, с. 375]. Видоизменение обряда крещения добавлением фрагментов не из Священного Писания как таковое не полезно и не вредно, но его нельзя считать необходимым и обязательным при совершении таинства. Принцип «sub utraque», то есть причащение под двумя видами, которое во время богослужения должно совершаться мирянами, оспаривается, так же как и учение о всеобщем священстве [6, с. 376]. Целибат резко отвергается [6, с. 377]. В тексте содержится несколько практических рекомендаций по вопросу о браке и его расторжении. Учение о свободе человеческой воли критикуется, как и решения церковных соборов, если они не согласованы со Священным Писанием [6, с. 379]. Отвергается поклонение святым и изображениям, отменяются пост, ежегодная обязательная исповедь, папские декреты, отлучения и индульгенции [6, с. 380–381].

Изучение теологического наследия Андреаса Озиандера является важным условием для объективной реконструкции генезиса и развития протестантской теологии в эпоху Реформации. Середина XVI столетия — время активных теологических диспутов внутри лютеранской традиции, время, когда складывается основной корпус вероучительных книг, происходит конфессионализация внутри движения Реформации, и «озиандеровский» спор, несомненно,

выступает явлением первого ряда в духовно-интеллектуальном пространстве своего времени. В тоже время анализ доктрины Озиандера позволяет говорить и о значительном влиянии его идей на становление последующей традиции, что в свою очередь сообщает теологии автора значение, выходящее за рамки XVI столетия.

Впервые свое положение о реальной и фактической, а не декларативной праведности Андреас Озиандер высказал в «Большой Нюрнбергской записке», опубликованной в 1524 году, после чего был вынужден отстаивать этот тезис вплоть до своей смерти в 1552 году. Заключительный этап жизни Озиандера, время его пребывания в Пруссии с 1549 года, был периодом наиболее ожесточенных идейных столкновений и дискуссий с оппонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — М.: Российское библейское общество, 2013.
2. Книга согласия. Сборник / Пер. на рус. К. Комаров. — СПб.: Лютеранское Наследие, 1996.
3. Исаев С. А. Ереси и расколы в раннем лютеранстве. — СПб.: Светоч, 2000.
4. Хегглунд Б. История теологии / Пер. на рус. В. Ю. Володин. — СПб.: Светоч, 2001.
5. Шафф Ф. История христианской церкви. — СПб.: Библия для всех, 2009. — Т. 7 / пер. О. А. Рыбакова.
6. Osiander A. Band I. Schriften und Briefe 1522 bis Marz 1525. — Gutersloh, 1975.
7. Stupperich M. Osiander in Preussen 1549–1552. — Berlin, 1973.